

стихотворения
О ЛЮДЯХ, ОДИНОЧЕСТВЕ,
ЛЮБВИ И ЖИЗНИ

илья шелудяков

Илья Шелудяков
**Стихотворения о людях,
одинокчестве, любви и жизни**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70531711

SelfPub; 2024

Аннотация

Первый сборник стихотворений автора, которые были написаны им в период с 2022 по 2024 год.

Илья Шелудяков

Стихотворения о людях, одиночестве, любви и жизни

осенний лист

осенний лист все также опадает,
и чем-то с ним мы может быть похожи.
ты мне прочтешь слова из книги даля,
а я спрошу тебя все также «что же? что же?»
они всё знают, но нам не сказали,
а мы бродили долго, мы искали!
разломаны дома, избиты дали
в надеждах отыскать следы двоих прохожих.
тоска навеет чай остывший с бахом,
разлучит вечер, встанет неотложка
тебя смету одним лишь глупым махом.
себя оставлю. не всего, немножко.
и в вазе хризантемы увядают,
ажуром запаха искрясь в прихожей холла.
не в ту мы ночь желания загадали,
раз в эту ночь звезда упала снова.

не важно все

листва колосится облаченная в изумрудный цвет солнцем
обжигающим кожу.

воротник рубашки лоснится,
сигарета постепенно курится.

ты, как всегда ни на кого в этом мире непохожа.

я сонный напоминаю молодого кустурицу.

гамм машин стоит, но раз в десять меньше,

чем мы привыкли в мегаполисе.

вокруг все такое непривычное,

что есть ощущение, что мне это кажется.

в это мгновение я понимаю, что если пропадешь,

отыщу тебя даже на северном полюсе.

сейчас кроме осознания этого для меня не важно все.

простое уравнение

вся жизнь простое уравнение

деление, вычит, умножение,

математический закон

в нем правила просты до боли -

нельзя ничто делить на нолик,

а вот умножить так легко.

тебя я вычел, стало меньше

чего-то, попросту сложив,
прибавил лат среди проплешин,
и вроде заново ожил.
и овладев, вдруг, каждым знаком,
словно магистр из вышмата,
я начал формулу писать.
поделил грусть свою на радость,
ноль, запятая пять осталась.
нет, ноль запятая двадцать пять.
умело вынесся за скобки
обиды, ссоры, недомолвки
прибавив горечь от потерь,
умножил смело их на нолик
словно себя же обездолив,
но став свободнее теперь.
любовь в квадрат. нет, в бесконечность
а боль делю на два. на три
смотрю, после равно лишь мелочь
ноль, запятая ноль ноль целых
осталась от моей любви.
от ужаса меня прошибло
пóтом, где же та ошибка,
которую я прежде допустил.
но в математике все просто,
ее легко можно понять.
чтобы умножить, прибавляя после,

так приходя к геометрическому росту,
всегда сперва нужно что-то отнять.

СЛОВА ДЛЯ МОЛИТВЫ

бродил от края от края,
искал, искал неумолимо
и в песнях кем-то недопетых
и в краски мазках на мольбертах
и в моря дыхании и ветра
всю обувь в песок стирая
слова, слова для молитвы.
высматривал среди прохожих,
в соборах, в садах, в неотложках
в идеях, в палитрах, в мотивах
слова, слова для молитвы
не видится мне апостол,
в руках не пылает знамя
и только лишь взглядом орлиным
в миру, где разлад и руины
на нас смотрит тот, кто все знает
тот, кто и уйдет, и вернется.
уйду ранним утром дождливым,
уйдя не оставлю послания
и ветер одним дуновением
прогонит и страх, и сомнения

сложив, вдруг, в одно очертание
слова, слова для молитвы.

наверное, так и нужно

наверное, так и нужно
наверное, это важно
душою в обрыв с разбега
сквозь ливень и корку из снега
без рюкзака и ночлега
привычный мир, вдруг, разрушив
размеренный и бумажный.
наверное, так будет лучше
пускай сейчас мне и страшно.
но свитые птицами гнезда
они покидают не поздно
смотря свысока и серьезно
на блестящие от стенов наружных
разменянных и продажных.

стамбул

чуть терпким запахом нагретого каштана,
парящей чайкой, штормовой волной,
и ощущением встречи долгожданной
запомнился мне образ и дух твой.

меж улочек, мощенных битым камнем,
на скверах и в заполненных кафе,
я находил себя счастливым крайне,
как средь пески годами шедший странник,
находит счастье в моря синеве.
ах, лучше б было мне тебя не видеть,
не видеть берега, мечеть, софию,
так легче б было мне тебя забыть.
чтобы вновь полюбить, возненавидеть,
и снова в снах орфеем к эвридике,
к босфорскому проливу плыть и плыть.

лето

моя тетрадь исписана. в календаре не осталось чисел.
влюбленность превратилась в зависимость. за последний год
вернулись все отправленные когда-то тебе письма. любовь
детства вышла замуж. во всех ближайших от меня населен-
ных пунктах закончились сигареты. мысли почему-то не так
уж и радужны – видимо, закончилось лето.

москва

казнили в двориках арбата,
любили в мхат, что на тверской.
и скверов средь тех воробьиных

шагали в песнь, словно по льдинам
с неумолимою тоской.
как мы с тобой, как мы когда-то.
на площади, где три вокзала
бежали долго и легко.
в музее пушкинском картины,
на них палач и гильотина.
мне их сюжет давно знаком,
вот только ты их не узнала.
по набережной до петра,
где шум и сточная дыра,
искал тебя, но ты пропала.
не спал всю ночь, топтал весь день
город китай, цветной, лубянку
нет, не устал, нет, мне не лень
я так сломя, я так в оглядку.
проснулся, вымылся, и вот
убрана мной в альбом на полке
красивая, который год
и неизменная нисколько.

от и до

от последней надежды до восхода. от полюса полярного до востока. спрашиваешь, насколько люблю? указываю от точки на земле до другой галактики и говорю – на столько. от

первой секунды жизни до смерти. от горького плача до заливного смеха. от раскаленных звезд до ледяного снега. от и до я тебя люблю.

поезда

исчезают вдали поезда,
уносясь от людских непогод,
вместе с ними умчусь навсегда,
сквозь мгновения, страны, года,
как и все, без поощрений и льгот...
мы усядемся в длинный вагон,
друг за другом, и так ряд за рядом,
вдруг, прижавшись к сидящему рядом,
я пойму, что такое огонь...
ослепляющий быстро, но плавно
души наши сжигающий в миг,
когда мчимся в движении славном,
находясь в состоянии сплава,
как единый большой монолит.
вдруг покинет меня верный спутник,
теперь воздух ласкает плечо,
раз за разом слышны мне их пункты,
ну, а я повторяю три буквы,
продолжая мечтать ни о чем...
вот и все... вдалеке эти бури,

цепь людских непогод мы промчали,
каждый вышел, внезапно, как пуля,
наши сплавы в конец измельчали...
ну а я что...? а я в поезда,
вдаль опять понесусь, словно выюга
вместе с ними умчусь навсегда,
сквозь мгновения, страны, года,
продолжая хождения по кругу.

ЭТО ТЫ

представь себе – земли начала,
дожди, моря, небесный свод,
и яркость звездного накала,
и тишину вечерних вод.
округлость тела Ориона,
недосягаемость мечты.
лучей далеких миллионы,
все это магия природы,
но для меня все это ты.

Я ТЫ МЫ

это я, я, я растоптал, исковеркал, вычернил,
ночи белые января, я их вырвал, я их вычеркнул,
и тебя вместе с ними нежную, и заветную, и ранимую

это я, я, я тронул преждее, став вот так нелюбимым тебе.
это ты, ты, ты измотала, измучила, выбросила
наши мысли, планы, мечты, что мы вместе с тобой выно-
сили,

что мы холили и лелеяли, как дитя под согнувшейся ивой
это ты, ты, ты меня предала, став вот так нелюбимой мне
это мы, мы, мы люди глупые, как и прочие, как обычно и
это я, я, я был так груб к тебе, это ты, ты, ты, словно спич-
ка и

это я, это ты виновные, это я, это ты люди сложные
это все, все, все может стерпится, может слюбится, может
сложится.

забыл я пиршества наряды...

забыл я пиршества наряды,
отвык от светскости нутра.
лишь выкрик ранней птицы краткий
будит мой разум по утрам.
лишь синей гладью небо холит,
ветрами направляя в путь
вдаль за звездой на небосводе,
к которой рвутся стан и грудь.

слово

слово ранит большее кинжала,
и порез тонок так, что не виден.
помнишь, как ты однажды сказала
сгоряча, что меня ненавидишь.
слово ранит точнее, чем пуля,
хоть не видно на теле отверстий.
помнишь, как невзначай промелькнули
фразы, что мы не можем быть вместе.
тем не менее, слово и лечит,
как ни лечат порой препараты.
мне в болезни становится легче,
когда ты произносишь: «я рядом».
и в кручинах судьбы наихудших,
когда тьма поглощает просветы...
на душе, вдруг, становится лучше,
когда слышу, что пройдёт и это.

каждое мгновение

каждое мгновение сплавлено в секунду
ветра дуновение лишь часть урагана
каплями сомнение заставляет думать
что и я наверное капля океана.
каждое начало скрыто в окончании,
голос прокричавших слышится в молчании
день, когда впервые с тобой повстречался

стал, увы, причиной нашего прощания.

звезда

среди всех самых ярких звёзд,
у меня есть одна звезда.
лишь она героиня грез,
мысли все лишь о ней всегда.
и среди всех заветных мечт,
ярче всех в голове одна -
постараться ее сберечь,
и любить ее в день из дня.

зима

растоптала цветы зима,
опустел сад...
не цветёт теперь бузина,
не цветёт виноград.
распугала зима птиц,
они не поют.
и среди обветшалых теплиц
не найти уют.
измотала меня зима,
нет сил.
и листва была казнена,

И ВОДЫ СИНЬ.

открой

открой сознание осмыслению безысходности.
раскрой все карты, сними бронежилеты.
арендуй комнату в санатории где-нибудь в сходнице.
вдоволь насладись последним летом.
повесь костюм на вешалку в гардеробе.
читай перед сном чехова и толстого.
открой сознание осмыслению того факта, что вроде -
все не так уж и плохо.

мне кажется...

мне кажется, что я живу на шаре,
нет, не на плоскости, ведь тянется рука,
к чужой необозримой тихой дали,
не в силах обнаружить маяка.
в пустыне дальней пальцы увязают,
как змеи руку вьют вокруг мосты.
ведь, если этот мир так осязаем,
то где то в нем должна найтись и ты.

скиталец

опустела душа скитальца,

плещут мысли меж рек лафита.
на костях отгремели танцы,
поцелуи ветров забыты.
не прельщает худая нимфа
ароматами океанов.
и склонившись горбом сизифа,
он вкушает былые славы.
вспоминает оскалы рифов
и блаженную гладь каналов,
обнаженные когти грифов,
раскалённый песок Омана.
поцелуи прекрасной девы,
словно розы, худой и юной,
превратились внезапно в небыль,
пролетевши песком сквозь дюны.
и богатства, сродни имперским,
утекли, как вода меж пальцев.
оказался в глуши растерзан
меж разломами гор пиренейских
обречённый на смерть скиталец.

мой главный враг

мой главный враг – мой главный друг.
он столкнет в овраг и он же подаст руку,
чтобы я выбрался оттуда.

он напьется в усмерть и разрушит полдома.
потом сам же превратит это в смех,
но заставит не пить полгода.
он рассорит с любимой женщиной,
после выслав ей букет ее любимых лилий.
покалечит, вгонит в тоску, женит,
заставит воевать, объявит перемирие.

пункт А

я отправлюсь из пункта А в пункт Б
оставляя в А своё прошлое
и хоть оно было очень даже хорошее
мне от него не по себе.
я хочу убежать из Москвы,
хоть и оглядываюсь в окна поезда.
за мной догорают мосты,
и обернуться в их сторону боязно.
я оставил работу и свой капитал,
я задумал начать жизнь с нуля.
я покинул свой дом, он был низок и мал,
а ещё я оставил тебя.

я тебя найду

среди серых многоэтажек.

среди эйфелевых башен.

среди самых высоких небоскребов и домов правительств.

среди моей будущей жизни и дома родительского.

среди убогости и серости,

промеж которой пролегают дорогие наряды и закуски.

среди подъездов и фильмов на кассетах,

в которых никто из главных героев не говорит по русски.

среди безысходности и реализации мечты заветной.

среди дальних берегов,

пройдя тысячи километров.

я тебя найду.

февраль

луна, февраль, на небосводе

не видно ни одной звезды.

одета ты не по погоде,

в кроссовках, юбке, майке, кофте

и я дарю тебе цветы.

метро, киоск, и чуть правее

в кафе на первой парковой

ты смотришь на меня робея

а я как будто на мгновенье

вдруг, чувствую, в себе любовь.

фонарь, дорога, твои пальцы

сплетаются в моей руке...

ты начинаешь улыбаться,
а я мечтаю так остаться
в этом мгновении на век.
огни из окон, дверь подъезда,
ты говоришь: «ну что ж... пока»
и в небе тысячи созвездий,
разверзших снег и облака.
я говорю тебе: «до встречи»
и ты уходишь в дома даль.
фонарь, дорога, зимний вечер,
метро, киоск, луна, февраль.

прости и прощай, ленок

дай мне тысячу обещаний.
приползи на коленях.
скажи, что я твой бог.
я буду к тебе беспощаден,
устраивай жалкий молебен,
смогу отвергнуть тебя в этот раз, хоть раньше не мог.
зови свидетелей, доказывай невиновность,
я буду хладнокровен к любым материалам этого дела.
ни ангелы хранители, ни брошенные дети
вставшие на твою защиту
не заставят меня перейти черту обозначенного предела.
я выжгу тебя из памяти, сотру на теле все метки

и буду как ни с кем жесток.
ты слишком размашистая и спонтанная,
как в переходе граффити.
ты, атакуешь, как рак, каждую клетку.
прости и прощай, ленок.

нормально

нормально и быть, и не быть
и стоять, и плыть
и молчать, и выть
и бежать, и бить.
нормально одним заснуть,
другим проснуться,
пробежать пол земли и не понять суть,
улететь в мечтах и неба коснуться.
нормально и в рамках, и за рамками
и великим, и обычным,
и внутри воздушных замков,
и снаружи фасадов привычных.

больше не

больше не хочу тебя видеть.
больше не хочу тебя слышать.
больше не хочу тебя чувствовать.

когда-то путь был виден,
теперь там руины,
мне кажется, что он совсем обрушен.
больше не хочу казаться перед тобой
ни собой, ни кем-то.
к черту бой.
к черту воспоминания, и фрагменты.
ты больше не встретишь меня.
и тебе, и мне от этого грустно.
иногда чувства могут завести в ловушку.
к черты чувства.

а между тем

а между тем прошелестят
листочки, скрасив желтизною
страну, в которой уж подряд
лет двадцать пять не пахнет новизною.
витрин не бороздит неомодерн,
и нет в картинах неоренессанса
то ли артист не тот, то ли партер,
то ли мне это просто показалось.
а между тем снегами заметут
метели улицы, страны в которой
поэты публику все выбрали не ту,
поэзия ей вовсе незнакома.

не колыхает их души ни блок,
ни лермонтов, ни пушкин вместе с фетом
им это видимо все попросту не впрок,
как и религия иегов с ветхим заветом.
а между тем весна погонит вспять,
промерзшие зимой амфитеатры.
и только ветер, поправляя прядь
арфистки, вдруг, всплакнет над ее арфой.
сгорят соборы, догорят мосты
повеет небо чем-то серо грустным,
а между тем под лето на холсты
из ниоткуда снизойдет искусство.

звезда

искрами усыпан небосвод,
мысленно опять среди них бреду,
так позволь отправиться в полет,
и достать хотя б одну звезду...
нет, не солнце или авиор,
словно сердце – не огромный шар,
и тогда среди бурей, гроз и гор,
вдруг, появится сжигающий пожар,
он испепелит дотла всю грусть,
вместе с ней и радость, и печаль,
и тогда я заново рожусь,
чтобы путь из ничего начать...

я в горении проведу года,
вышедши вот так... из ниоткуда,
ведь теперь в груди горит звезда,
и я сам являюсь частью чуда.

инстаграм

я взгляну на тебя невзначай,
и продолжу листать инстаграм.
ты нальёшь себе чёрный чай,
и захочешь мне что-то сказать,
но продолжишь, увы, молчать,
я... продолжу смотреть в экран.
включишь позже первый канал,
затем третий или второй.
среди массы всех телепрограмм,
не найдя, увы, ни одной,
ты... начнёшь листать инстаграм.
поневоле сомкнув глаза,
предложу тебе лечь в кровать.
ты мне сонно ответишь: «я за...
лучше лечь, нам ведь рано вставать.»
на кровати я в сон провалюсь,
не коснувшись рукой твоей кожи.
ты, увы, мне не скажешь «люблю»
я, увы, не отвечу «я тоже».

солнце, сигарета, спичка

солнце, сигарета, спичка.
на часах пятнадцать двадцать.
то ли вредная привычка,
то ли верное лекарство.
ветер, сигарета, спичка.
мне за дымом не угнаться.
он летит сквозь электрички,
остановки, парки, трассы.
небо, сигарета, спичка.
оставляя след из пепла,
я подумаю о личном,
проходя мимо проспектов.
солнце, сигарета, спичка.
на часах пятнадцать двадцать.
то ли вредная привычка,
то ли верное лекарство.

прыгну со скалы

разбежавшись прыгну со скалы.
так пел король и шут.
я разбегусь и прыгну со скалы и тебе не напишу.
я разбегусь и птицей ввысь взлечу над городом ночным.

я прыгну со скалы из своих чувств, которые мрачны.

дай

дай нам любовь без расставаний

и дай героев без войны.

дай поцелуи без прощаний

и мудрости без седины.

прошу лишь дружбы без предательств,

детского дома без детей,

доверия без доказательств,

и без тумана ясный день.

дай умирающим спасение,

а потерявшимся маяк.

любимым кем-то воскрешение,

ругающимся белый флаг.

дай нам полёты без падений,

прошу о небе без грозы

и без кошмаров сновидениях,

и взгляде мамы без слезы.

дай без пролитой крови знамя

и дай в конце тоннеля свет.

но лучше дай нам осознание,

что счастья без несчастья нет.

перед сном

оставь разговоры и мысли, помолчи.

не думай о том, что ты хочешь сказать кому-то, или что лучше было произнести когда-то давно. не думай забыл ли ключи, все это просто выключи, как плохое кино. не думай как сделать лучше. не бойся, что выйдет хуже. все предназначено – фатум, судьба, перерождение, души. я думаю, что ты это уже слышал, все это вечно витает где-то снаружи. как много и прочего, по сути, такого же не нужного. молчи, не думай, существуй в прострации, не касайся пространства. стань ничем, будь водой, как в цитате в вконтакте. будь в контакте с самим с собой, спрячься в себе далеко, будто в детстве в лесу в палатке. оберегай себя, пожалуйста. люди, деньги, тревоги, ты сам – это все очень опасно и безжалостно.

пусть диктует мне правила кесарь...

пусть диктует мне правила кесарь,
солнце жадина дарит лишь тьму.
разукрашу себя ирокезом,
по земле бунтовать побреду.
революций повсюду наделаю,
и свершений немало свершу.
всех крестьян озадачу наделами,
ну и вдаль попляшу, словно шут.

океан проглочу, до небес подлечу,
пробужу я уснувший народец.
за собой поташу, выдам всем по мечу,
ну и буду я сам меченосец.
и когда эпопее наступит конец...
кесарь нас одолеет и свяжет,
красным заревом к небу из наших сердец,
вдруг, дорога из красок проляжет.
и сомкнутся тела, как одно в унисон,
перед гибелью в братской могиле...
наши дети и внуки расскажут, как сон,
что однажды мы мир изменили.

погибаю

я хотел бы птицей разметаться,
разлететься, воспарив, вдруг скрыться.
среди странствий обрести мытарства.
и пройдя их заново родиться.
я хотел бы с телом расквитаться,
попрощаться, а верней проститься.
познать страх без разных коннотаций,
окунувшись в судеб вереницу.
я хотел бы биться, было б братство.
и хотел бы в рабстве я виниться.
своему убийце, сказав «здравствуй»,

перед ним же после преклонился б.
я хотел бы познавать покорство,
пред людьми земли и их богами.
только уже поздно для притворства.
оттого, я просто погибаю.

змея

побороть себя – сложная задача. я сам еще та змея. изви-
ваюсь серпантинном в руках укротителя. порой, кажется, что
все люди планеты земля, не смогут искоренить во мне при-
вычки не положительные. не смогут искоренить во мне мыс-
ли злобные для других и меня самого ранящие. не смогут
вызволить из логова из обид и тревоги состоящего.

свободы

лошадь вдаль убежит, не догонишь. так и жизнь делает ви-
ражи по скользкой дороге. ветер за горизонт летит, не знаю
куда он, но хочу вслед за ним. только в другую сторону ве-
дут пути вагона и он, увы, не остановим. птицы в небе так
маняще порхают. пребывая в состоянии спящем, в ритм их
крыльев выстраивается мое дыхание. волны движут к чужим
берегам моря воды. хочу с ними на неизведанные острова,
хочу свободы.

неравный бой

в войне с самим собою
я наступаю пешкой,
пока мой враг орудует ферзем,
исход такого боя
обычно безуспешен,
но от того я лишь сильнее зол.
увы в рядах сплоченных,
изрядно поредело,
ресурсы на исходе, и, увы,
я выбираю черных,
тем временем строй белых,
вновь побеждает на передовых.
но в бедах мимолетных,
мы не теряем духа,
мы продолжаем гнуть свою дугу,
и в ожидании взлёта,
когда все станет пухом,
бой продолжаем через "не могу".
и нам бывает страшно,
как яхте перед бурей,
способной пред собою все смести...
но все же мы отважно,
бросаемся под пули,
чтобы покой однажды обрести.

пред нами бой финальный,
расклады сил не новы,
все тот же полк сражается со мной,
исход, увы... фатален,
побеждены мы снова,
а это значит будет новый бой.

ПУТЬ

я направо пойду – пропасть.
я налево сверну – ямы.
отступить не даёт гордость
и я делаю шаг прямо.
шаг за ним, а затем двое,
полагаю, что путь верный.
светит факелом на небосводе,
как маяк огонёк вселенной.
прохожу и снега, и вьюгу,
и жару, и войну, и бури
по пути нахожу друга,
его взгляд не даёт свернуть мне.
познаю и печаль, и горе
и любовь, и ненастье, и счастье...
растворяюсь в пути, словно в море
но мой друг не даёт мне пропасть в нем.
огонёк в небесах сверкает,

и я снова шагаю прямо
хоть и скрыт он за облаками
в каждый миг он со мной рядом.
я направо пойду – гладь лишь,
ни обрыва, ни ям, ни града,
ты меня там так нежно гладишь,
огибая своим взглядом.
и налево сверну – то же,
ни снегов, ни ветров, ни вьюги
сделав шаг в один миг уничтожу
наши ссоры, обиды, разлуки.
но я делаю шаг прямо,
полный боли и сожаления...
пролегает мой путь через ямы,
через пропасти и ущелья.
ведь с тобой на пути разлучившись,
погрузившись вдруг в скорбь за былое.
понял я, лишь один очутившись,
что за чувство зовётся любовью.
отправляясь на самое дно я,
пребывая в печали и нуждах,
ощутил на плечах, вдруг, ладони
и открыл для себя слово «дружба»
оттого я шагаю прямо,
без раздумий или сомнения.
огонёк вдалеке награда,

ведь я знаю, что путь верен.

мне от тебя

мне от тебя не убежать, не улететь, не спрятаться

ты догонишь палящими искрами.

ты в рёве матери, в ругани отца...

калечишь физически и мысленно.

мне от тебя не скрыться, словно в поле,

где ни кустика, ни деревца.

из-за тебя во мне очень много боли,

и не слюбиться, и не стерпеться.

ты красками небо раскинешь,

но в миг сотрёшь, не дав взглянуть на него.

а я все повторяю твоё имя,

и проношу его вдаль факелом.

кажется

мне порой кажется, что тебе нужно больше тепла, чем я могу из себя извлекать. я хочу дотрагиваться до твоего тела, но выбираю одно из многих, находящихся в аптечке лекарств. куда дорога завела? мне порой кажется, что тебе нужно больше света, чем я могу из себя излучить. только злюсь, понимая это, и посылаю инфракрасные лучи. мне порой кажется, что тебе нужно больше нелюбви, чем во мне может

быть. оттого я, уставший на вид, продолжаю тебя любить.

отчуждать мне тебя не дается...

отчуждать мне тебя не даётся,
неподвластна ты этим потугам.
твоё сердце порой слишком черство,
оттого лишь плотнее я к дулу.
ты паришь надо мной, словно птица.
и не мне к тебе ввысь возноситься.
ты вонзаешь в меня, словно спицы
свои вольные чуждые думы.
только чувственных вин все же льются
реки, что не дают мне покоя.
разбивается сердце, как блюдец.
не коснувшись кромкой благое.
отчуждать мне тебя не даётся,
ты повсюду, как будто видение.
появляешься лишь зайдёт солнце,
окружая меня своей тенью.
и во сне, где настигнут тобою,
мыслей вдаль унесёт вереница.
лишь проснувшись пойму, что иное...
не тебе вновь я смог подчиниться.

еда приготовлена...

еда приготовлена, постель застелена,
не слышно соседей за стенами.

светят звёзды... настроение весеннее,
мысли легки и рассеянны.

поем, закурю на балконе,
проблемы все ветер прогонит,
оставив Луну на одиноком небосклоне.

и ни тоски, ни меланхолии.

ты ждёшь меня в холле дома нами снятого,
чуть позже белье твоё будет стянуто,

и я теряюсь в тебе, хоть не под алкоголем.

смотрю в глаза, они зелёные,

и я это знаю.

но, мне кажется, будто бы в первый раз взглядом в них
врезаюсь,

твоя пуля сквозная, проходит всегда напрямик.

прекрасный миг – я думаю и кожи касаюсь.

еда не приготовлена, постель не застелена,

ты уже где-то за стенами,

мысли растеряны, белье не постирано,

ветер сменили дуновения веера.

чух чух

вагон издает звук «чух чух». я к тебе мчу через всю пла-

нету. на самолете лечу через все небо. увидеть тебя сильно хочу. подводная лодка булькает. из нее, как из моих легких воздух выходит в больших объемах. значит, не подводит чуйка – ты где-то одна и тебе очень плохо.

снова

море, скалы, песок
увядающий взгляд мой рождается снова
я ловлю твой небрежный бросок,
сделанный под ремикс Комарово.
лепет детский, как пуля в висок
даст надежду, что не нарисован
мир, где двое звучат в унисон
снова, снова, снова.

скажи слово

хранилищем для фолианта с твоими мечтами. силой гиганта с кулаками из стали. превращусь во что угодно, оставь от меня останки. дай воды и хлеба, пройду пустыни. кирпич и мотыгу, отстрою замок. шпионом в вражеском тылу настырным, рок-звездой, собирающей полные залы. скажи слово, оберну вибрации в материю. замок окажется сломан, богатства потеряны.

ВСЕГО ЛИШЬ СЛОВО

всего лишь слово, просто фраза,
казалось, мелочь, пустяки,
но только яд пускает сразу
обиды, боли и тоски.

всего лишь грубость, разве это
способно все перечеркнуть?

но только просьбы без ответа
вскрывают правду всю и суть.

порой не слышат и не видят
друг друга люди и вот так,

она его возненавидит,

а он не сделает к ней шаг.

и все разрушат, поломают
перечеркнут, забудут, но

его душа, вдруг, запаяет,
она заплачет под вино.

всего лишь шаг к нему навстречу,

всего лишь уважение к ней,

любовь без этого не вечна,

она теряется среди дней.

ТО ЛИ

сигарета, самокрутка, курилка. я на балконе. превращаюсь в опилки. думаю о том, что изначально не понял. солнце,

ветер, мысли. прибило к чуждому мысу или делает из меня человека точилка? боязнь, неприязнь, смутные чувства. то ли раньше не чувствовал, то ли только сейчас проснулся.

КТО ЭТО?

сломанный винт в сложном механизме. порядок в анархизме, анахронизм в модернизме. среди высоких низкий, среди низких ввысь колосится. кто это или что это? среди бурей тишь, в воде пламя. обыденностью явится в вишенке, всем испортит праздник, но останется навсегда в памяти. кто это или что это?

ТВОЕ ИМЯ

твоё имя не мной даровано,
но явилось моим спасением,
маяком в темноте, дорогою
и надеждой такой весенней.
твое имя в часы погибели
прозвучит с небывалой громкостью,
на устах моих лишь: «любимая»
и в глазах только твои волосы.
снизошла, как с небес «богиней» и
стал готов я тебе поклоняться.
этот мир без остатка сгинет,

только ты в нем должна остаться.
и не нужно другого «солнца»,
приласкаешь ты и согреешь,
пусть земля в пустоту обернётся,
я в лучах твоих буду живее.
твое имя не мной даровано,
только мной оно будет прожито,
обернулась ты, вдруг, дорогою,
человеком родным и схожим мне.

Мистер Фолк

I.

Раскинувшись в кресле мистер Фолк читал французский роман. В нем было написано о женщине, которая влюбилась в друга семьи и изменяла мужу. Он любил периодически почитать подобную литературу, куря при этом хорошую кубинскую сигару. Мистеру Фолку было сорок три года и у него не было ни жены, ни детей. Он работал юристом в компании, находящейся в центре города уже двадцать один год. Сегодня был выходной день. На улице было около двадцати двух градусов, вечерело, но уходящее солнце все еще нежно ласкало природу и соседские дети громко играли на своем участке, мешая мистеру Фолку спокойно читать роман. Периодически он подходил к окну и выкрикивал «Тише там! Тише!». Тем не менее, дети не утихали. В один момент, окончательно вскипев от ярости из-за того, что на его

слова не обращают никакого внимания он высунулся из окна и очень громко и злобно закричал: «Если вы сейчас же не прекратите орать, визжать, хихикать и издавать прочие раздражающие звуки, мешающие мне комфортно проводить свой выходной, клянусь Богом я выйду из этого дома и лично надеру зад каждому из вас!». На секунду воцарилось молчание, после которого раздался оглушительный и режущий слух детский плач. Соседским тройняшкам Фишерам еще не было и пяти лет отроду.

«Черт вас подери! Да что же это такое! Каждый выходной день одно и то же с тех пор, как в этом дом заехали эти проклятые Фишеры! Нет, так дело не пойдет, я обязан донести до родителей этих мелких... этих мелких... детишек, что ни одна живая душа в этом мире не позволит себе мешать честному человеку Джимми Фолку комфортно проводить свой выходной!». С этими словами он положил сигару в пепельницу, оделся в свой деловой темно-синий костюм, конечно же облачил лысую макушку в такую же темно-синюю шляпу и направился в соседний дом. Семейство, создававшее ему столько хлопот заехало сюда всего около трех недель назад. За это время мистеру Фолку не удалось встретиться ни с новым хозяином, ни с его супругой. О том, что новые владельцы имеют фамилию Фишер он узнал лишь из-за таблички, висевшей рядом с дверью, на которой она была написана.

Мистер Фолк долго нажимал на дверной звонок. За то время, пока он одевался дети по всей видимости зашли в

дом, поскольку на улице их уже не оказалось. Из-за двери слышались крики и голоса. Он надавил на кнопку звонка сильнее прежнего и спустя несколько секунд дверь открыла невысокая женщина, одетая в фартук. Ей было около тридцати лет и по всей видимости она имела испанские корни, ее кожа была смуглая, глаза имели ярко выраженный карий цвет, а волосы благородный каштановый оттенок. Ее внешность сразу показалась мистеру Фолку привлекательной.

– Здравствуйте. Что вам нужно? – произнесла она.

– Кто там, черт подери?! – донесся, по всей видимости пьяный мужской голос из глубины дома.

– Меня зовут мистер Фолк. Я ваш сосед из вон того, правого дома. Послушайте, у меня есть претензии...

– Чертов ублюдыш, а ну иди сюда! Я тебе задам!

– Нет, не надо... – из дома доносились крики, мешавшие мистеру Фолку договорить. Встретившая его женщина бросилась вдаль по коридору со словами

– Не смей трогать моего сына!

– Нет!

– Да что у вас тут в самом деле происходит? – недовольно произнес мистер Фолк, но его реплика не была никем услышана.

– Успокойся, Бен, у нас гость, к нам пришел наш сосед, у него какие-то претензии... Иди проспись, я тебя умоляю, не трогай детей.

– Сосед?! – на несколько секунд воцарилось молчание,

но затем зачинщик всего происходящего принялся кричать громче прежнего: – Трахалась с ним?!?! Трахалась?!?!

– Да что ты несешь... – Внезапно мистер Фолк услышал пронзительный женский крик, он поспешил внутрь дома и увидел, как мужчина замахивался кулаками на встретившую его женщину. На мгновения мистер Фолк замер в состоянии страха, но все же собравшись с силами произнес:

– Послушайте, сэр, если вы сейчас же не прекратите этот беспредел я вызову полицию. – Находившийся в сильном опьянении мистер Фишер никак не отреагировал на эти слова и лишь перешел от угроз к удушению лежавшей на полу обессиленной женщины. За углом стены стояли плачущие тройняшки, в ужасе наблюдавшие за этой сценой.

– Да что же это такое? Ты же ее убьешь!!! – закричал мистер Фолк. Лицо хозяйки медленно начало синеть. Вдруг, мужчина немного распустил хватку и в итоге убрал свои ладони от ее шеи, облокотившись на край дивана, находившегося за ним. Он внезапно начал рыдать, захлебываясь в собственных слезах. Мистер Фолк помог женщине приподняться в ужасе от всего происходящего и начал спрашивать:

– Миссис, о боже, с вами все в порядке? Миссис... Фишер, как вы себя чувствуете? Я сейчас же... я сейчас же вызову полицию, послушайте... Это ненормально! – человек, который только что находился на волоске от убийства собственной жены как будто бы не слышал всего этого и лишь рыдал крокодиловыми слезами.

– Я... я в порядке... Не нужно полицию... – пошатываясь она поднялась, мистер Фолк придерживал ее за локоть. Взгляд этой женщины был направлен в пустоту, она находилась словно под гипнозом, настолько сильно было ее шоковое состояние.

– Хорошо... Но, как это не нужно полицию?!?! Миссис... Фишер! Этот человек хотел убить вас!

– Такого больше не повторится, мистер Фолк. Подумайте, о детях. Не надо полиции. До свидания...

Мистер Фолк покидал соседский дом в состоянии полной подавленности, растерянности и потрясения. Безусловно, ему и прежде, еще в детстве приходилось сталкиваться с подобными сюжетами, и как правило человеком он был довольно отстраненным и холодным, но отчего то только что увиденное им происшествие закралось глубоко в его душу. В его сердце поселилось большое количество вопросов и волнений. Что будет с этими детьми?! Что будет с этой женщиной?! Вдруг, однажды этот пьяница убьет ее?! Или их всех?! Зря! Зря, я не вызвал полицию! В подобных размышлениях он дошел до своего дома. Словно в ожидании наступления крайней неприятных событий, которые как будто бы должны случиться с минуты на минуту, он попробовал вновь усесться в большое кожаное кресло, закурить сигару и продолжить чтение романа, но это ему никак не удавалось. Мягкая прежде обивка, вдруг стала неприятной на ощупь, сигарный дым, такой пряный и успокаивающий, режущим гор-

ло, а книга, сюжет которой всего лишь полчаса назад завораживал, неинтересной. Все вокруг стало раздражать мистера Фолка, он был тревожен. Главным его желанием в тот момент было забыть, вычеркнуть из памяти навсегда увиденную им злополучную сцену в доме Фишеров. Заставив себя усидеть на месте ровно, он все таки продолжил чтение, хоть и мысли его были совсем о другом.

«...Бретань в эту весеннюю пору была наполнена цветочными ароматами, дуновениями ветров и дом, за которым он вынужден был присматривать до июля, словно находился в эпицентре романтической атмосферы. Горные склоны, поля, цветущие леса – этот пейзаж виднелся в окошке кабинета, в котором сейчас работал Жан, подсчитывая месячную смету. Раздался стук в дверь и молодой человек произнес:

– Да, да. Войдите. – В комнату вошел слуга, в руках которого было письмо, увидев это, граф сказал:

– Положи на стол. И да... Антуан, передай мадам Буффо, ожидающей меня в малой гостиной, что я прибуду к ней ровно через пять минут.

– Конечно, месье.

Закончив подсчеты, он убрал все бумаги в правый ящик стола и взял в руки, принесенное ему письмо. Осматривая конверт, он увидел имя отправителя – «Анна Десант». Анна?! – раздалось в его мыслях. Он тут же вскрыл конверт и принялся читать, его сердце тревожно забилося:

Месье Арно, я пишу вам тайно, но прошу вас, даже умо-

ляю – не заподозрите меня ни в чем дурном. Конечно, это грешно и неправильно скрывать что-либо от своего законного супруга, но я уверена, что настоящей любви Бог прощает очень многое. Мой дорогой Месье Арно, мою память не покидают многие моменты, проведенные в вашем обществе. Безусловно, я была обязана скрывать свои любые чувственные потуги и возможно, что вы даже никогда и не думали о том, что в моем сердце скрывается нечто подобное и в таком случае это письмо – лишь моя страшно опрометчивая выходка, позорящая всю мою семью и весь мой род, и я заранее прошу у вас прощения, если это так. Но отчего то в моей душе кроется уверенность, что и вы дышите ко мне неровно. На приемах и балах, в гостях у вашей матушки и при встречах вас с моим супругом, я не раз ловила ваш милостивый, но такой пронзающий взгляд, заставлявший мое сердце биться чаще.

Все эти слова, словно бежали по белому листу бумаги. Почерк был беглым, порою неровным, оттого в какой спешке и в каком волнении это письмо было написано. Жану казалось, что он вот-вот задохнется, его переполняли самые разные чувства – от страха до эйфории, от волнения до радости. Тайна, покрытая покровом недосказанности, вдруг, открылась ему сполна. Прежние грезы, тешащие по ночам, будто бы стали явью, укромные мысли и мечты реализуемыми. Он будто бы в одночасье стал хозяином огромного богатства, возможность распоряжения которым на мгновения показа-

лась ему страшна. Его желания могли оказаться губительными для них обоих, но, тем не менее, отныне он знал, что чувство его любви не одиноко, и это грело его сердце, несмотря на появившийся страх. Отдышавшись в попытках успокоить разволновавшийся ум, он продолжил читать:

Я никогда не встречала подобного взгляда прежде, но на каком-то интуитивном, подсознательном уровне смогла понять его природу. В детстве, мадам Купе постоянно читала мне различного рода книги о любви и рыцарстве, и, как и любое другое дитя, образы молодых отважных юношей и влюбленных в них принцесс казались мне такими притягательными и манящими. Загадочный и тревожащий мир любви был ожидаем и мною, но, брак с месье Десантом вынудил меня позабыть о подобных грезах. Мой супруг хороший, честный человек и я уважаю его, возможно, даже и люблю, но какой-то другой, непривычной для супружества сестринской любовью. Мы с ним прошли через многие жизненные трудности, и конечно он дорог для меня. Но, месье Арно, это не любовь, не та любовь, о которой слагает песни и поэмы весь мир. О которой он пишет великие романы и за которую без раздумий готов погибнуть. И это печалило и навевало на меня меланхолию очень долгое время, пока однажды, в приемной мадемуазель Золи шесть месяцев назад я не поймала на себе ваш чувственный, хоть и такой мимолетный взгляд. Я сразу все поняла. Поначалу я была лишь смущена подобным поведением с вашей стороны и даже в какой-то степени

возмущена. В нашем обществе не следует так смотреть на замужних дам. Я переживала, что это мог заметить мой супруг или любой другой из гостей мадам Золи, но этого не произошло и я довольно быстро забыла об этом происшествии. Думаю, что и вы в тот момент почувствовали мое недовольство вашим поступком и на какое-то время я не получала от вас никаких подобных знаков внимания, кроме дозволенных обществом. Но со временем, отчего-то во мне начала появляться тоска по этому моменту. Ваше действие всколыхнуло во мне множество эмоций и чувств, я почувствовала себя живой. Во мне проснулось желание видеть подобный взгляд каждодневно и именно в тот момент, когда я впервые почувствовала из-за этого грусть и начала появляться и со временем расти, словно нежный цветок розы моя к вам любовь.

Полагаю, что все это время вас терзает вопрос: «К чему эти признания?». К чему я тревожу ваше сердце и душу, отчего я так жестока с вами, ведь мы оба осознаем, что наши грезы недостижимы, невозможны и противоречат всем устоям общества. Боюсь, что это так, но, тем не менее, мой дорогой месье Арно, около двух дней назад произошло событие, заставившие осмелиться меня на мысль о том...

Прозвучал стук в дверь. Жан раздражено поднял глаза и разрешил войти.

– Прошу прощения, месье, но мадам Буффо просила передать, что она уходит. Также она сказала, что юноше не позволительно столько времени заставлять ждать даму в годах.

«Мадам Буффо!» прогремело в голове молодого графа. Он посмотрел на часы и осознал, что она прождала его в малой гостиной около двадцати минут, не считая пятнадцати минут до начала чтения письма. Он стремительно направился к выходу, надеясь опередить ее и после пламенных извинений приступить к запланированному обсуждению дел...»

Мистер Фолк отложил книгу в сторону. Несмотря на то, что он немного пришел в себя, желания читать так и не появилось. На мгновение в голове промелькнула мысль о том, что настроение может исправить недолгая прогулка, но осознание возможности столкнуться с кем-нибудь из Фишеров быстро прогнало ее. Время близилось к восьми вечера и он решил поужинать, а после поработать, ему нужно было просмотреть несколько договоров к завтрашнему буднему дню. Ужин одинокого холостого мужчины нередко можно спутать с завтраком, обедом или полдником, но только не в случае с мистером Фолком – жареные на скорую руку яйца и картофель, консервы, и прочие составляющие стандартного набора блюд быстрого приготовления нечасто встречались в его рационе. Как правило это были хоть и не слишком замысловатые, но, тем не менее, не такие уж и простые блюда, готовке которых мистер Фолк учился по увесистому сборнику кулинарных рецептов, доставшемся ему еще от матери.

Она была тучной, строгой женщиной, на долю которой выпало много несчастий, связанных с множественными попытками найти свою любовь.

Первый муж, отец мистера Фолка, повстречался ей еще в школьном возрасте. Раннее, необдуманное супружество, как и в большинстве случаев, не предвещало счастливого будущего и спустя два года совместного проживания в небольшой квартирке на окраине города, доставшейся матери нашего героя от покойной бабушки, воспитавшей ее, молодожены охладели друг к другу и Фолк старший отправился на юг страны в надежде найти свое безоблачное будущее там, подарив уже бывшей супруге трехкилограммового малыша, о существовании которого узнать ему было не суждено. Девушка приняла твердое решение вырастить мальчика без ветряного муженька, оставившего ее в шумной столице одну и не сообщать ему о беременности и рождении ребенка.

Спустя пару лет после его уезда в другой конец страны в Фортресс, район, где находилась их квартира, стали приходить письма. Адресом отправителя был указан «Лоссленд, Техас», захолустный городишка на границе с Мексикой с населением не больше нескольких тысяч человек. Содержание писем было простым – Фолк старший просил прощения и рассказывал о том, в какую безнадежную и пустую пучина погрязла его судьба. Он писал о том, что работает в автосервисе механиком, что очень хочет вернуться и спрашивал встретит ли его бывшая супруга, будет ли рада вернуть время вспять и попробовать построить семью заново, даст ли ему шанс. О том, что воспитавшая его тетушка Пэм скончалась пару месяцев назад от рака легких, обнаруженного врачами

слишком поздно, и что без одобрения матери мистера Фолка ему нет смысла возвращаться на север. Но ответов на все эти раскаяния души маленького, заблудившегося на жизненном пути человека не последовало и последовать не могло, поскольку миссис Фолк никогда не знала об этих письмах. К тому моменту она вместе с сыном уехала из Фортресса в Даунтаун, в дом своего нового возлюбленного – мистера Гайна. Со временем, не получив ответа ни на одно из своих писем, отец мистера Фолка смирился с мыслью о жизни в Лоссленде и прекратил тщетные попытки связаться со своей оставленной в столице возлюбленной. Мистер Гайн был полным человеком среднего роста. Ему было чуть за тридцать и разница в возрасте с молодой двадцатилетней девушкой сильно сказывалась, как в отношениях между ними, так и внешне.

Миссис Гайн, обретшая новую фамилию спустя довольно быстрое время, хоть никогда и не была красавицей, по сравнению с обрюзгшим, плешивым и крайне неприятным внешне мистером Гайном казалась, надо признаться, что все таки в большей степени из-за своей еще пышущей молодости, просто ангелом. Но несмотря на непривлекательность нового супруга мать мистера Фолка, действительно, испытывала к нему нежные чувства, граничащие с настоящей влюбленностью. Он был неплохим собеседником, способным рассказать нетривиальную историю, будто бы случившуюся в его собственной жизни. И, несмотря на то, что безусловно, практическая каждая из таких баек была всего лишь плодом

его воображения, окружающих его людей забавляли подобные рассказы и они могли позволить себе порой даже именовать мистера Гайна «душой компании», что было ему крайне лестно. Помимо этого, он имел очень мягкий и добродушный характер, почти всегда был спокоен и вежлив в общении, а маленького мистера Фолка называл исключительно «сынишкой» и никогда его не бил. Работал он нотариусом с окладом выше среднего, способным обеспечить семью. Всех этих фактов из биографии мистера Гайна было достаточно для его молодой супруги, чтобы уверенно строить планы на долгую и счастливую жизнь в браке с ним. Но природа решила внести свои корректировки и спустя шесть лет совместного проживания второй муж матери мистера Фолка был убит молнией.

Затем последовал мистер Хаммер, а после мистер Блум, его сменил мистер Эммет, но и он не был последним и умерла мать мистера Фолка в возрасте шестидесяти шести лет, имея фамилию Аллен. Четыре брака, случившиеся после кончины мистера Гайна были все, как один и не подарили матери нашего героя ни крупицы счастья – лишь слезы, скандалы и предательства. Они сделали ее сердце черствым, разум холодным и полным скептицизма, а отношение к жизни безразличным. Проще говоря, мать мистера Фолка была очень несчастной женщиной.

Сегодняшним ужином были выбраны фрикадельки под томатным соусом со спагетти. Итальянские макароны бы-

ли доведены до своей идеальной кондиции, именуемой «аль дэнтэ», что в переводе с языка средиземноморского государства означает – на зубок. Самое главное при готовке спагетти и любых других паст не переварить их, превратив в кашеобразное состояние и мистер Фолк не допустил подобной оплошности. В фарше для фрикаделек он чуть переборщил с добавлением лука, но обилие только что приготовленного густого томатного соуса исправило ситуации, убрав его привкус. Неспеша поужинав, он решил направиться к письменному столу, но в его голове сильнее прежнего зазвучала мысль, таившаяся все это время внутри его сознания, что неплохо было бы посмотреть, что сейчас происходит в доме Фишеров для того, чтобы убедиться в том, что человек совсем недавно напавший на свою жену не пытается убить ее вновь. Его прежний страх к этому времени заменила тревога за эту хрупкую, слабую женщину и он быстрым шагом устремился к окну, находившемуся в его спальне на втором этаже, прихватив с собой бинокль, лежавший в тумбочке в прихожей. Мистер Фолк однажды купил его, планируя отправиться с одним своим коллегой на охоту, но в последний момент путешествие отменилось, в связи с нахлынувшей страну, в которую они хотели направиться эпидемией лихорадки. Это было одно из государств африканского материка.

В нижних окнах дома Фишеров свет был уже погашен. Время близилось к десяти вечера. Мистер Фолк стоял у окна и пристально наблюдал за соседним домом, жильцы ко-

торого по всей видимости уже легли спать и чувствовал себя полным идиотом. Это продлилось около двух минут и не заметив ничего интригующего или хотя бы странного он начал отдохнуть с точки обзора с мыслью о том, какой ерундой вынудило его заниматься сегодняшнее происшествие, как, вдруг, в верхнем левом окне появился свет. Мистер Фолк тут же вернулся в свою прежнюю позицию и попытался сконцентрироваться на происходящем в спальне дома Фишеров. Перед его глазами предстал силуэт, очертания которого были размыты из-за зашторенных занавесок, но, тем не менее, было понятно, что это женский силуэт и что принадлежит он миссис Фишер. По всей видимости, она только поднялась с первого этажа, где вероятно ее пьяный муж уже спал глубоким сном. Женщина подошла к шкафу и постепенно начала снимать с себя одежду. Мистер Фолк, увидев это, несмотря на то, что занавески скрывали все то, что недозволено видеть постороннему мужчине, мгновенно отвернулся и отойдя от окна подумал: «Господи! Слава Богу моя мать мертва – она бы не пережила тот факт, что ее честный и порядочный сын Джимми Фолк подглядывает за чужими женами.»

Про Фишеров было решено забыть. Он постарался убедить себя в том, что сегодняшняя сцена во-первых, скорее всего, исключительная, вопиющая и для мистера Фишера в том числе случайность и узнав завтрашним утром о содеянном он покается и не позволит себе впредь злоупотреблять выпивкой, а во-вторых к нему самому не имеет никакого от-

ношения и что ему не следует беспокоиться о совершенно незнакомых ему людях.

С таким настроем мистер Фолк проделал положенную работу по изучению договоров, а после лег спать. Ему снилась история любви между французом и испанкой и отчего-то этот француз носил в девятнадцатом веке современную американскую шляпу и костюм, а испанка постоянно кричала о том, что ее нужно спасти, хотя никто не причинял ей вреда. Проснувшись мистер Фолк удивился, поскольку прежде ему почти никогда не снились такие глупые сны. «Это все от волнения» – подумал он.

II.

Жизнь мистера Фолка продолжила свое плавное течение. Он, как и прежде каждодневно приезжал к зданию компании ровно к девяти утра и не раньше шести вечера покидал свое рабочее место. Как и до сцены в доме Фишеров он был вовлечен в волокиту судебных процессов и разбирательств с заявками и исками целого множества клиентов фирмы. Раздел имущества между разведшимися супругами, споры о присуждении наследства погибшего родственника или же обычные передачи собственности в следствии ее покупки вторым лицом – все эти составляющие юридической деятельности наполняли его размеренную жизнь. За прошедшие две недели он бывал в своем доме лишь будними вечерами, поскольку оба уикенда мистер Фолк провел в небольших командировках в городе ближе к северной границе страны и, к его

счастью, за все это время он ни разу не столкнулся ни с кем из семейства Фишеров и неблагоприятный осадок от воспоминаний о встревожающем его прошествии в их доме практически выветрился из уголков его сознания, но, тем не менее, ожидал мистер Фолк первый субботний выходной день, планируемый провести в стенах своего дома с небольшой опаской.

Его утро началось с привычной для него чашки черного кофе, который он не разбавлял ни сахаром, ни молоком и овсяной каши, приготовленной им на воде. Как вы могли догадаться, мистер Фолк не слишком сильно любил молоко. Он решил насладиться утренними блюдами никуда не спеша, растянув завтрак на целых полчаса. Во время приема пищи его глаза были направлены на только что принесенную к порогу его дома газету, в которой мистер Фолк читал новостные колонки и журналистские статьи, в которых, безусловно, рассказывалось о насущных сенсациях. Во время чтения ему, вдруг, вспомнился французский роман, оставленный им две недели назад и в нем появилось желание заменить прессу им, как только он закончит есть.

Так он и сделал. Безусловно, мистер Фолк не забыл и про сигару и раскинувшись в своем любимом кожаном кресле, раскурив при этом только что зажеженный им табак он продолжил чтение согнутой в аккуратный уголок страницы.

«Прозвучал стук в дверь. Жан раздражено поднял глаза и разрешил войти.

– Прошу прощения, месье, но мадам Буффо просила передать, что она уходит. Также она сказала, что юноше непозволительно столько времени заставлять ждать даму в годах.

«Мадам Буффо!» прогремело в голове молодого графа. Он посмотрел на часы и осознал, что она прождала его в малой гостиной около двадцати минут, не считая пятнадцати минут до начала чтения письма. Он стремительно направился к выходу, надеясь опередить ее и после пламенных извинений приступить к запланированному обсуждению дел.

Уголок тянувшейся по полу скошенной юбки, поверх которой было надето платье из тафты был замечен Жаном, когда он ступил на лестницу, ведущую на первый этаж. Он решил немедленно окликнуть рагневанную гостью:

– Мадам! Я приношу свои глубочайшие извинения! Пойдите! – уголок юбки начал становиться больше и спустя несколько секунд перед его глазами предстала женщина в годах небольшого роста, глаза у которой были наполнены детской грустью от того какое неуважение проявил к ней юноша, но несмотря на это она, будучи очень мягкотелой и добродушной дамой смогла лишь по матерински произнести:

– Месье Арно, вам следует поучиться благородным манерам у вашего дядюшки, как следует встречать гостей.

– Мадам Буффо, этот самый дюдяшка и возложил на мои плечи невероятный объем работы, погрузившись в которую я совсем потерял счет времени... Я прошу у вас прощения.

– Ах... Ну как я не могу смилостивиться над вами, тем бо-

лее, когда с утра до меня дошло известие, которое мне просто необходимо обсудить с кем-либо и вы на эту роль также вполне подходите. Месье Арно, два дня назад Париж охватила идея революции! Этот никчемный человек, его фамилия Круазье, он республиканец. Вы, скорее всего, слышали это имя. Его идеи, которые еще пару месяцев обсуждались лишь в кулуарах таверн, кабаков и прочих мест, которые не пристало посещать людям высшего общества, словно в считанные дни охватили все молодые умы столицы, включая представителей аристократии. Теперь это не лишь болтовня шайки недовольных жизнью, а действительная угроза трону. Эти люди требуют конституцию, установление республики и прочее, и также обещают на днях перейти от слов к действиям. Ожидаются массовые протесты и забастовки, строительство баррикад...

Услышав лишь два слова – революция и Круазье, Жан увяз глубоко в своих мыслях. Он подумал, что, скорее всего, именно об этих событиях хотела рассказать ему в письме Анна и что революция является для них шансом быть вместе, ведь гораздо проще нарушить установленные порядки, когда вокруг творится хаос. Но и другое занимало его размышления в этот момент, а именно месье Круазье. Он не только слышал множество раз это имя, но и в прошлом являлся его поклонником. Безуловно, никому из его окружения это не было известно. Еще год назад впервые в тайных, запрещенных государством оппозиционных сообществах по-

явился труд двадцатидвухлетнего сына разжалованного генерала с фамилией Круазье под названием «Сыны отечества». Это был сборник размышлений о том, что из себя должен представлять строй государства и какими правами и благами оно должно наделить людей, проживающих в нем. Тогда эта работа не получила массовой огласки и лишь некоторые люди, которым удалось прочесть ее узрели в ней истинный взгляд на положение дел в стране. В их ряду был и Жан. С тех пор, он интересовался деятельностью молодого оратора и его выходившими письменными изречениями, но вместе с попаданием Круазье на пару месяцев в парижскую тюрьму за нарушение порядка в одном из ресторанов столицы, угас и его интерес. Скорее всего, помимо этого причиной появления незаинтересованности стала и Анна Десант, ворвавшаяся так внезапно в жизнь молодого графа. Теперь же, услышав о надвигающихся переменах, о которых он так сильно мечтал и осознав, что его любовь не безнадежна среди его беспорядочной уймы мыслей осталась лишь одна – ему немедленно нужно было отправиться в Париж.»

Чтение Мистера Фолка было прервано раздавшимся криком из дома Фишеров. Его вдруг охватил страх, но, несмотря на это он немедленно начал одеваться и облачившись в свой джентельменский синий костюм тут же проследовал к соседскому дому.

Оказавшись у входной двери, которая была заперта он принялся колотить по ней кулаком и нажимать на звонок,

крича при этом:

– Миссис Фишер! Это ваш сосед! У вас все в порядке?!
Прошу, откройте мне дверь!

Это продолжалось около пары минут, в доме царила полная тишина и мистер Фолк начал думать о том, что крик был лишь плодом его воображения, что ему показалось, в связи с тем, что произошедшее две недели назад до сих пор не могло покинуть уголки его подсознания. Он предпринял еще несколько попыток зайти в дом, но они оказались безуспешными. «Окно. Мне нужно посмотреть в окно, возможно, удастся что-нибудь увидеть. Ах, Джимми-Джимми, как же ты сразу не догадался.» – подумал он и подошел к второму правому окну, находившемуся на стене, направленной к его дому и в котором должна была быть видна гостиная, являвшаяся сценой акта насилия двухнедельной давности. Из-за закрытых занавесок и отражавшегося палящего солнца было трудно что-либо разглядеть, но сложив из обеих рук конструкцию в виде козырька мистер Фолк смог разглядеть тело женщины лежавшее на полу в луже крови. По смуглой испанской коже мистер Фолк понял, что это определенно миссис Фишер. Облокотившись на диван, точно также, как и в прошлый раз, испуская водопады слез, в них же и захлебываясь сидел ее муж.

Мистера Фолка, словно ударом молнии отбросило в сторону. Он испытывал чувство ужаса, превышавшее прошлое раза в три. Это было несравнимо ни с чем и в этот раз он

был уверен, что никакое время или события не сможет ему помочь забыть увиденное. Он помчался к своему дому со скоростью не присущей подобным ему людям и оказавшись внутри заперся на все имеющиеся замки. Он понял, что ему срочно нужно выпить очень много какого-нибудь крепкого алкоголя и принес из подвала старый дешевый ирландский виски, который он начал пить, словно микстуру залпом. Но от обжегшего его горло сорокаградусного напитка ему стало лишь хуже и он лишь сел в свое кресло, направив взгляд в пустоту и стараясь не думать ни о чем. Лишь ночью, когда мистер Фолк находился в точно таком же положении, но чернота в голове чуть рассеялась, он понял, что нужно вызвать полицию. Стражи правопорядка приехали довольно быстро и за его окнами замелькали красно-синие огоньки, раздались сирены, а вместе с ними и плач мистера Фишера. От всего этого у мистера Фолка лишь сильнее разболелась голова и его начало тошнить. Он постарался укрыться от происходящего на улице в подвале и просидел там до утра.

Пятилетним тройняшкам было суждено угодить в приют, а их отцу, безусловно, в тюрьму на очень долгий срок. А мистер Фолк так и остался мистером Фолком и ничего в его судьбе, по сути, не изменилось, кроме того, что странные сны отныне преследовали его всю оставшуюся жизнь.